

- 6 См.: Население империи по переписи 28-го января 1897 г. по уездам. Вып. 1. СПб., 1898. С. 14, 29.
- 7 См.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1901. С. 146.
- 8 См.: Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 440.
- 9 Таблица сост. по: Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 162.
- 10 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV.
- 11 См.: *Атопов В. И., Масляев В. Е., Липявкин А. Ф.* Волгоград. М., 1985. С. 19.
- 12 Хотя Царицын в 1914 г. считался уездным городом, по уровню экономического развития и численности населения автор относит его к крупным городам Поволжья.
- 13 Таблица сост. по: Списки населенных мест Российской империи. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1862. С. XXXII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV, 1; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. Ведомость № 6.
- 14 Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. С. 7.
- 15 Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. IV; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 25. Д. 64. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 828. Л. 1; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. С. 7.
- 16 См.: *Ершов А.* Очерк чернорабочего движения в Саратовском крае. Саратов, 1909. С. 42.
- 17 См.: *Матвеев И. М.* Саратов в санитарном отношении в 1906 году. Саратов, 1908. С. 64.
- 18 См.: *Чолахян В. А.* Социально-демографические последствия индустриального развития Нижнего Поволжья (конец XIX в. – 1930-е гг.). Саратов, 2008. С. 45.
- 19 См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. С. VII
- 20 См.: *Маркушина С. В.* Промышленность Саратовской губернии в условиях капиталистической модернизации середины XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. С. 152.
- 21 *Братченко Т. М., Сенявский А. С.* Протоиндустриальная и раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // *Экономическая история России : проблемы, поиски, решения.* Ежегодник. Вып. 9. Волгоград, 2007. С. 92.
- 22 См.: Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века. М., 2000. С. 76.
- 23 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 14.
- 24 *Витте С. Ю.* Воспоминания в 2 т. Т. 2. М., 1960. С. 493.
- 25 *Ленин В. И.* О кооперации // Полн. собр. соч. : в 53 т. 5-е изд. Т. 45. М., 1979. С. 377.
- 26 *Ленин В. И.* О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 59.
- 27 Там же. Т. 39. С. 14.
- 28 Там же. Т. 38. С. 54.
- 29 Таблица сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XX. М., 1929. С. 478–483, 492–503.
- 30 Там же
- 31 Таблица сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 327. Л. 9; Д. 328. Л. 10; Д. 329. Л. 7; Д. 336. Ч. 1; Д. 374. Л. 140; Д. 476. Л. 163.

УДК: 94(477.43)|1921/1923|

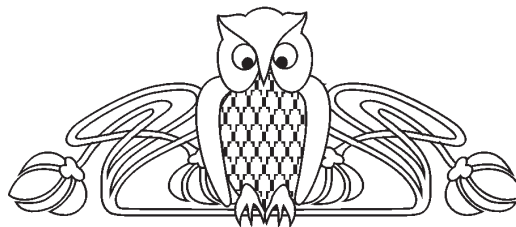
ПОМОЩЬ ЖИТЕЛЕЙ ПОДОЛИИ ГОЛОДАЮЩЕМУ ПОВОЛЖЬЮ В 1921–1923 ГОДАХ

Н. П. Олейник

Каменец-Подольский национальный университет
имени Ивана Огиенко, Украина
E-mail: mpoliynyk@ukr.net

В статье рассматриваются меры органов советской власти на Подолии по формированию сети комитетов помощи жертвам голода 1921–1923 гг. Анализируется пропагандистская и организаторская деятельность по мобилизации масс на сбор продовольствия и денег. Исследуется практика внедрения и взыскания голодных пайков с нетрудового населения городов и местечек, реакция их жителей на действия власти.

Ключевые слова: голод, комитеты помощи голодающим, конфискация, голодный паек, голодный паспорт.

Assistance from Podillya to the Victims of Starvation in 1921–1923 in Povolzhie

M. P. Oliynyk

The article is focusing on Soviet authority measures on establishing of the committees' network on assistance to the victims of starvation in 1921–1923 on Podillya. There is analyzed propaganda and organizational activity of on mobilization of people for collecting of products and money. The article investigates practice of introduction and penalties of «hungry» rations from unemployed population in cities and small cities, reaction of their citizens and authority's actions.

Key words: starvation, committees on assistance to starving, confiscation, starve rations, starve passport.

В 1921 г. Советские республики столкнулись со страшной засухой. Наиболее пострадавшим регионом было российское Поволжье. Не обошла беда и Украину – в пяти южных губерниях собрали от 7,4 до 24,9 % обычного урожая, что, как и в Поволжье, вызвало голод¹. На их фоне Подольская губерния с 54 % урожайности «считалась счастливой»² и могла облегчить страдания голодающих. Уже 5 июля 1921 г. президиум губисполкома образовал Подольскую комиссию помощи голодающим под руководством члена президиума Шафранского³. Одновременно было предложено губернскому финансовому отделу открыть для указанной комиссии текущий счет, а уездисполкомам – создать аналогичные комиссии⁴.

Поскольку комиссии формировались поспешно, без надлежащих полномочий, то проведенный ими в сентябре 1921 г. первый трехдневник помощи голодающим дал незначительный результат⁵.

Из неудачи были сделаны надлежащие выводы. В первую очередь «в целях привлечения широких масс трудящихся к делу оказания помощи населению, пострадавшему от неурожая и внесения в дело помощи наибольшей организованности» (здесь и далее сохранены стиль и орфография документов. – Н. О.) повсеместно, по требованию президиума Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИК) от 13 сентября 1921 г., укреплялись существующие и создавались новые волостные и сельские комиссии по оказанию помощи голодающим. Их состав утверждался уездными и волостными исполкомами⁶. В принятой вскоре «Инструкции для т.т. Уполномоченных Уездной Комиссией помощи голодающим» подчеркивалась необходимость включения в состав этих комиссий политруков воинских частей⁷.

В начале октября была проведена еще одна реорганизация комиссий – их возглавили непосредственно председатели исполкомов, и создавался аппарат комиссий при секретариатах исполкомов⁸. Фактически выстраивалась четкая вертикаль комиссий помощи голодающим, входившая в систему власти.

В круг обязанностей членов комиссий входило осуществление пропагандистской работы по разъяснению масштабов голода и его последствий, а также организация сбора «натурой продовольственных и семенных продуктов, различных вещей, добровольный сбор денег по подписным листам». Кроме того, они должны были регулярно каждые две недели отчитываться о проделанной работе. С целью лучшей организации дела на Подолье прислали инструкцию «Работа агитатора в деревне по борьбе с голодом». Она была составлена для агитаторов-коммунистов, работающих в различных районах России⁹.

Однако одним из первых шагов советской власти на Подольи стала не непосредственная ор-

ганизация помощи голодающим, а принятие президиумом губисполкома на заседании 9 августа 1921 г. положения о столовой для ответственных работников и ее открытие¹⁰. Вскоре также были созданы закрытые столовые для советских и партийных работников в уездных центрах. Желающие столоваться в них должны были «платить денежные взносы и свои натуральные пайки»¹¹.

Решив вопрос смягчения последствий неурожая для себя, органы советской власти вспомнили о народе и запретили «выпечку и продажу белого хлеба, пирожных, пряников и др. изделий петлевой пшеничной муки»¹². Параллельно была развернута масштабная пропагандистская кампания с целью убедить подолжан в необходимости оказания максимальной помощи голодающим. Так, Жмеринский уездный комитет КП (б) У одним из первых 22 сентября принял воззвание «К беспартийным», в котором говорилось: «Честные граждане Украинской Советской Социалистической Республики! Все вы уже знаете, что голод в Поволжье охватил 17 губерний с населением 10–12 млн. тружеников. Голодные братья Поволжья не имеют не только хлеба, суррогатов его, они едят конский щавель и сорные травы, которые ни в коем случае не могут заменить хлеб. Необходимо их накормить. Надо помочь Поволжью»¹³.

В течение октября 1921 г. аналогичные обращения распространялись по всей Подольской губернии. Особенно сильный отклик имело «Обращение Саратовской губернской комиссии помощи голодающим». В нем говорилось: «Вы знаете, что произошло. Засуха съела урожай. Люди съели все, что могло хоть сколько нибудь быть похожим на пищу; если и едят, то только лебеду, крапиву, древесную кору, падаль, все живое, если и едят, то болотный ил и глину, теперь стали употреблять в пищу и человеческие трупы. Недолго ждать, когда доберутся и до живых людей... К весне все Поволжье обратится в мертвую пустыню...»¹⁴ Литинский уездисполком в воззвании № 19 к «Работникам земли» взывал: «Тяжело т.т. Крестьяне, очень тяжело. Стоны и ропот голодающих заглушают все: беда голодающих страшнее нашей нужды... Сегодня беда у других, а завтра может быть и у нас, и если мы не поможем пострадавшим, то и нам они не помогут, ибо нечем у них обсеменить землю»¹⁵.

Чтобы еще более внушить ужас от масштабов голода, некоторые органы власти прибегали к его гиперболизации. Так, второй Брацлавский уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 27 ноября 1921 г. призвал население уезда «не допустить гибели 40 млн. трудящихся Поволжья от голода»¹⁶.

Основным источником сбора продовольствия для населения голодающих регионов была сначала продовольственная разверстка, а затем – продовольственный налог. Однако существенной разницы ни в их объемах, ни в способах сбора

население не почувствовало. В 1921 г. у крестьян Подолии с применением насилия по продразверстке «выкачали» 288 тыс. тонн зерна, а в 1922 г. уже по продналогу теми же методами изъяли 272 тыс. тонн¹⁷. И это при том, что официальная пропаганда твердила о существенном снижении размера продналога и его «добровольности». На самом деле некоторое снижение количества собранного налога произошло вследствие уменьшения урожая, а не доброй воли власти. Отнудь не случайно в инструкции ВУЦИК от 7 июня 1922 года «По проведению единого натурналога» был включен параграф 233. Он предусматривал: «В случае массового уклонения населения (села, волости, целого района) от взноса продналога старший местный Инспектор после того, как все меры нормального и административного воздействия на плательщиков налога были испробованы и не дали никакого результата, возбуждает по инстанции ходатайство перед Упродкомом или Губпродкомом о вводе в данное село, волость или район вооруженной силы... По прибытии отряда в упорствующее селение волинспектор предлагает начальнику отряда расположить отряд, согласно Устава внутренней службы на постой. При этом постой не распространяется на дворы, уплатившие налог... организует довольствие отряда за счет селения, получая необходимое количество продуктов через Сельсовет. В случае отказа жителей давать продукты Сельсовету для довольствия отряда, Предсельсовета при содействии отряда конфискует необходимое количество таковых у жителей по своему усмотрению, о чем составляется соответствующий акт»¹⁸. Местные органы власти широко использовали этот инструмент. Так, Новоушицкое уездное военсовещание на заседании 12 сентября 1922 г., заслушав вопрос «О выделении воинских частей по выкачке продналога», постановило «Просить Начуездучастка выделить одну сотню казаков в Мукаровскую волость, как явно упорствующую

в выполнении продналога. Назначенной сотне выдать мандат согласно инструкции Наркомпрода. Сотне довольствоваться за счет неплательщиков»¹⁹.

Естественно, что крестьяне относились к сбору продналога враждебно. Иногда они, как например, в с. Врублевец Баговицкой волости Каменецкого уезда, обращались к бывшим помещикам за границу с предложением вернуться и обещали предоставить им конфискованные в ходе революции усадьбу и поля²⁰.

Поскольку хлеба, полученного от сбора продразверстки, как и продналога, не хватало для обеспечения всех нужд государства и помощи голодающим, то советские и партийные органы значительное внимание уделили поиску иных источников получения хлеба. Были определены дополнительные источники сбора хлеба и денег – отчисления 1 % хлеба при товарообменных операциях, 10 % от продажи билетов со зрелищ, театров и пр., 10 % от патентного сбора, 5 % с сумм уравнительного сбора и др.²¹

Наладив работу комиссий и проведя определенную пропагандистскую работу, губернская комиссия помощи голодающим 17 октября 1921 г. утвердила задания по сбору помощи от населения губернии (таблица)²².

Губернская комиссия стремилась изыскать любые возможности с целью привлечения граждан к сбору пожертвований. Именно на пропагандистский эффект она рассчитывала, открывая специальный склад для сбора пожертвований на центральной улице губернского центра г. Винницы. С этой же целью денежные пожертвования принимала редакция газеты «Известия». Здесь же печатались ежедневные отчеты о поступлениях²³. В то же время уездным комиссиям указывалось: «Собранные денежные средства и всякого рода пожертвования и сборы в пользу голодающих ни под каким видом и ни в коем случае не могут расходоваться даже на голодающих детей». Их

План сбора пожертвований поуездно

№ п/п	Уезд	Хлеба (пуды)	Деньги (сов. знаки)
1	Жмеринский	8.000	20.000.000
2	Проскуровский	1.500	20.000.000
3	Ольгопольский	5.000	25.000.000
4	Ямпольский	5.000	12.000.000
5	Литинский	2.166	6.500.000
6	Летичевский	4.800	13.000.000
7	Могилевский	600	30.000.000
8	Новоушицкий	945	2.748.774
9	Камянецкий	1.000	16.000.000
10	Брацлавский	2.226	6.110.000
11	Гайсинский	800	8.200.000
12	Винницкий	Нет сведений	

необходимо было сдавать в уездные финотделы. Они должны были немедленно пересылать их губернскому финотделу, а 1-го и 15-го каждого месяца подавать письменные доклады²⁴.

Благодаря проделанной работе уже к 1 ноября 1921 г. на Подолии было собрано 27 960 пудов хлеба и 375 994 635 руб. деньгами. Плановые задания удалось превзойти на 3 915 пудов хлеба и 216 435 861 руб. (без учета планов для Винницы и Винницкого уезда). Это позволило, докупив еще свыше четырех тысяч пудов хлеба, отправить жителям голодающих регионов России – Татарстана, Мари и Калмыкии – 32 000 пудов зерна ржи, гречихи и ячменя (зернохлеба). Кроме того, было собрано 1 000 аршин мануфактуры и 50 000 ярдов ниток для детей, которые начали прибывать из голодающих губерний²⁵.

Большое значение в собирании пожертвований отводилось проведению «недели помощи голодающим», которую губкомиссия приурочила к годовщине Октябрьской революции и запланировала провести с 7 по 15 ноября 1921 г. Главной ее задачей было «проведение агитационной кампании на селе в разрезе привлечения крестьян к добровольному пожертвованию хлеба и содействие поднятию деятельности Комиссий». Однако из-за слабости партийного и советского аппаратов на местах и противодействия анти-советских повстанческих отрядов эта неделя, фактически, была проведена только в семи из двенадцати уездов Подольской губернии²⁶.

Следует обратить внимание, что с целью поиска дополнительных источников пополнения фонда помощи отдельные уездисполкомы устанавливали свои сборы. Так, Проскуровский уездисполком ввел сбор «по 500 руб. за свидетельство документов, по 500 руб. с лиц, содержащих 1 прислугу, по 2 000 руб. с лиц, содержащих 2 прислуги, по 3 000 руб. при выдаче Актов Гражданского Состояния». Кроме того, советские и профсоюзные работники, военнослужащие и пограничники отдавали пятидневный заработок в пользу голодающих. Всего на протяжении «Недели помощи голодающим» по губернии собрали 10 052 пудов зернохлеба и 206 173 220 рублей. В целом за октябрь–ноябрь 1921 г. собрали 63 685 пудов хлеба и 686 004 993 руб²⁷. Это позволило 11 ноября отправить в Поволжье десять вагонов зернохлеба со станции Гневань, 13 ноября – одиннадцать вагонов со станции Калиновка и четырнадцать со станции Деражня²⁸. Остальное отправить не успели, потому что вступило в силу постановление Всеукраинского съезда Советов о создании семенного фонда²⁹.

Проведение «недели помощи голодающим» совпало с массовым прибытием беженцев из регионов, охваченных голодом. Они сосредоточивались на железнодорожных станциях. Для организации им помощи губисполком 4 ноября создал специальную тройку из представителей «отдела управления губисполкома, губчека и губздравотде-

ла»³⁰. Беженцев принимали сначала в Жмеринском эвакуационном пункте, который размещался на самом большом на Подолии железнодорожном узле. Затем его «розгружали на Вапнярский и др. эвакупункты»³¹. В частности, шесть тысяч беженцев на срок 9 месяцев принял Брацлавский уезд³² и одну тысячу – местечко Тульчин³³.

Среди беженцев было: «400 детей из Самарской и 600 детей из Казанской губерний. Отправлено из них 60 в Гайсинский уезд. 150 в Ямпольский и 640 в Ольгопольский уезд. 150 больных детей оставлено в Виннице и размещено по больницам»³⁴. Всего Подолье было готово принять две тысячи детей³⁵. Однако вскоре Подольской губернии установили план «обеспечить проживание 3500 детей». Всего же «прибыло значительно больше – по официальным данным их число составляло 5 957 человек»³⁶. Повсеместно оперативно был организован сбор пожертвований для прибывающих детей. Анализ собранных пожертвований неопровержимо свидетельствует о крайней бедности населения. Так, в г. Гайсине за первую декаду ноября 1921 г. собрали «9 комплектов для детей, 4 полотенца, 3 пары ботинок, 2 пары туфель, 2 пары чулков, 2 пуда муки, 2 пуда ржи, 1,5 пуда сахара, 3 пуда пшена, 9 пудов картофеля, 48 тарелок, 97 ложек, 49 вилок»³⁷. С целью размещения прибывших детей организовывались приюты, ясли и лечебно-столовые пункты. В частности, в Виннице открыли 5 детских домов³⁸. Жмеринский уездисполком обустроил «Дом малютки» на 35 детей, отремонтировал и обеспечил «свиньями, коровами, овощами» на зиму детские дома и приюты. Вот только с топливом была «полная катастрофа»³⁹.

Внимание к оказанию помощи детям, пострадавшим от голода, особенно возрастало в период проведения ударных кампаний. Так, в ходе «месячника помощи детям» с 15 января по 15 февраля 1923 г., затем продолженного до 25 марта, все организации и учреждения в обязательном порядке приобретали марки «Месячника помощи детям». Полученные средства размещались на специальный счет месячника в Винницком отделении Госбанка с последующим использованием преимущественно на оказание помощи детским приютам⁴⁰.

Огромный масштаб голода требовал поиска все новых и новых источников получения хлеба. Первым их нашел третий Жмеринский уездный съезд Советов (27–29 ноября 1921 г.). Он постановил: «Обложить все население, как рабочих, крестьян, так и красноармейцев, единовременным взносом с каждой души два (2) фунта зерна в пользу голодающих. Единовременный подушный сбор зерном в пользу голодающих собрать в течение двух недель»⁴¹.

Изучив этот опыт, второй губернский съезд Подолии принял постановление, направленное президиумом губисполкома литерной телеграммой 28 декабря 1921 г. всем уездисполкомам. Оно

требовало немедленно «провести в жизнь единовременное отчисление двух фунтов зерна-муки-хлеба по городам, местечкам и селам с души рабочих, крестьян и красноармейцев, а также всех граждан». В телеграмме подчеркивалось, что закончить эту работу необходимо к 15 января 1922 г. Кроме того, устанавливалась постоянная норма – «четыре двора кормят одного голодного, то есть вносят двенадцать пудов муки или зернохлеба в течение месяца»⁴². В начале января по всей губернии прошли пленумы уездисполкомов, на которых, как в Новой Ушице, принимали это постановление как свое решение⁴³.

Большое значение имели повсеместно проводимые съезды комитетов незаможных крестьян (аналог ликвидированных в начале 1919 г. в России комбедов. – *Н. О.*). Так, уездный съезд незаможников Гайсинщины в резолюции «Об оказании помощи пострадавшему от засухи населению Поволжья» 20 января 1922 г., поддержав решения второго губернского съезда Советов, пошел дальше и принял решение «обложить торговцев как города так и уезда, 50 проц. стоимости патентного налога. С каждого приезжающего на базар для торговли взимать плату в 10 тыс. рублей в пользу голодающих. Обложить натурой всех арендаторов мельниц и заводов, взятых в аренду. Повысить процентные отчисления с билетов в театрах с 10 до 25 проц. Провести широкую агитацию с целью распределения детей, прибывших из голодающих губерний, по селам»⁴⁴.

Подытожив решения уездных съездов, первый Подольский съезд незаможного крестьянства 17 февраля 1922 г. в резолюции «О помощи голодающим» постановил: «Считать эту задачу содержанием всей работы в этом голодном году и на борьбу с голодом бросить все духовные и материальные силы; главной задачей и помощью в этом деле считать расширение сети детских домов для голодающих детей, приписку детей (бесприютных) к отдельным дворам, организацию детских передвижных яслей и домов в голодающие местности»⁴⁵.

Отметим, что в соседней Волынской губернии подобные решения принимались общими собраниями жителей сел. Так, в Купельской волости Староконстантиновского уезда в январе 1922 г. они решали «взять на содержание одного голодающего на 20–30 душ зажиточных и середняков и одного – на 40 душ бедноты» из расчета на каждого голодающего – один пуд зерна⁴⁶.

Вместе с тем, выше изложенные меры, по мнению власти, не охватывали должным образом жителей городов и местечек. Этот пробел заполнило постановление президиума Центрального комитета помощи голодающим (ЦКППГ) от 2 января 1922 г. Оно вводило «добровольное самообложение лиц нетрудовых профессий в размере 5% валового дохода и лиц свободных профессий (докторов, художников, артистов и др.) в размере 3% валового дохода»⁴⁷.

Чтобы ни у кого не возникало сомнений в степени такой «добровольности», в параллельно принятой «Форме постоянной помощи голодающим» устанавливалось, что «самообложение граждан рассматривается, как принятие на себя обязательства регулярно давать голодный пайок в определенное время, не реже одного раза в месяц»⁴⁸.

Количество таких пайков устанавливалось в зависимости от средней урожайности с одной десятины в той или иной губернии. Подольская губерния была отнесена вместе с Волынской и Черниговской, к первой категории (всего их было шесть), где урожайность составляла свыше 85 пудов с десятины. Учитывалась также численность населения по разрядам: крестьянство, рабочие (профорганизованные) и нетрудовое. Определялась условная численность семьи в каждой категории: «крестьянская семья – пять душ едоков, семья рабочего – три души и нетрудовая семья – в три души». Затем устанавливалось, что с учетом питательных веществ, переведенных в хлебную порцию, норма голодного пайка должна составлять один фунт в день или 22,5 фунта муки. Всего для Подольи был доведен план в 296 тысяч голодных пайков из 1740 тыс. по Украине. Для сравнения: Волынской губернии установили план в 172 тыс., а Черниговской – 194 тыс. Разделив норму голодного пайка в 22,5 фунта муки на условную численность нетрудовой семьи, устанавливался сбор – 8 фунтов муки или 9 фунтов зерна в месяц с каждого⁴⁹. Таким образом, фактически вводилась разверстка голодных пайков и соответственно разрешалось насильственное их изъятие. С 1 марта 1922 г. постановлением Совнаркома УССР «Об ответственности за преступления против предоставления помощи голодающим» предусматривалась конфискация имущества лиц, «которые были виновны в невыполнении без уважительных причин обязательств по отношению к голодающим»⁵⁰.

Особо циничный способ изъятия продуктов у населения устанавливал приказ № 31 от 23 января 1922 г. предгубисполкома В. Порайко. Учитывая то, что без соли человек не может существовать, им категорически запрещалась «всякая вольная продажа соли и натурпремирование ею. Сельское население может получать соль только по товарообмену на сельхоз продукты, а именно зерно-хлеб, зерно-фураж и крупы. Городское население и рабочие, не находящиеся на Госснабжении, получают соль за плату не свыше двух фунтов в месяц на едока. Соль отпускается по товарообмену гражданам в любом количестве, но перепродажа категорически воспрещается. Для обмена соли на сельскохозяйственные продукты устанавливаются следующие эквиваленты: за один пуд крупной соли полтора пуда ржи. Цена мелкой соли увеличивается на тридцать процентов. Замена ржи другими продуктами допускается согласно шкале, установленной Наркомпродом по налогу»⁵¹.

К весне 1922 г. крестьяне и «нетрудовые элементы» уже были настолько обескровлены налоговыми кампаниями и по существу принудительным «выкачиванием» помощи голодающим, что повсеместно заявляли: «Мы не имем, мы голодаем, мы не понесем»⁵². Но применив «слишком крутые меры в виде конфискации имущества и т. д.»⁵³ власть смогла «на конец марта 1922 г. собрать на Подолии 180 576 пудов продовольствия и 2 млрд. рублей». Отметим, что «голодающему Поволжью было отправлено в 4 раза больше вагонов с продуктами, чем своим губерниям»⁵⁴.

Под прикрытием сбора средств для помощи голодающим с апреля 1922 г. началось изъятие ценностей из церквей, костелов и синагог. Официальным основанием были постановления ВУЦИК «О передаче церковных ценностей в фонд помощи голодающим» (8.03.1922 г.) и «Инструкция об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих» (21.03.1922 г.). На их выполнение в уездах и волостях были созданы «Комиссии по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих».

Перед изъятием проводились митинги «с участием духовенства и представителей церковных общин», распространялось воззвание Харьковского архиепископа Нафанаила. Их целью было убедить верующих в том, что без изъятия «предметов из платины, золота, серебра, ценных камней, слоновой кости, которое не может существенно затронуть интересы самого культа», невозможно преодолеть беды, обусловленные голодом⁵⁵.

Кроме того, широко пропагандировался опыт монахинь Головчинецкого Преображенского монастыря Летичевского уезда, которые «явили комиссии по изъятию ценностей очень радостный прием и, кроме церковных ценностей, они пожертвовали еще и свои собственные ценности и сбережения»⁵⁶.

Однако реальная жизнь существенно отличалась от пропагандистских публикаций. Изъятие ценностей зачастую сопровождалось насилием по отношению к мирянам, на которое они отвечали сопротивлением. Так, в Каменце-Подольском комиссия изъяла в римо-католическом костеле все ценности. Это возмутило людей и они «начали самовольно расбирать церковные вещи». Комиссия позвала на помощь «три сотни казаков». Они плетью и штыками разогнали демонстрантов⁵⁷. С учетом данного опыта Новоушицкое уездное военное совещание 31 мая 1922 г. решило: «Отправку ценностей, изъятых в церкви, назначить на 1 июня в 10 утра. Для сопровождения выделить 25 кавалеристов и 2 пулемета. Кроме того, 10 милиционеров для прикрытия»⁵⁸.

Сколько всего церковных ценностей было изъято и какова их стоимость, из-за существенных противоречий в документах на сегодня определить не представляется возможным. Митрополит Хмельницкий и Староконстантиновский Украинской православной церкви Московского

патриархата Антоний на своем сайте отмечает, что «до сентября 1922 года из храмов на Подолии конфисковали более 499 712 золотников серебряных изделий»⁵⁹.

Отметим, что надежды на получение значительных доходов от конфискации церковных ценностей не оправдались. Косвенным подтверждением этого может служить приказ № 202 Подольского губисполкома (по отделу управления) от 8 мая 1922 г. Он «устанавливал надбавку в размере 50% в пользу голодающих ко всем штрафам, которые накладываются за нарушения обязательных постановлений, за справки, которые выдают адресные столы, за прописку и т. д. и за все др. виды услуг, которые надают Отделы Управления населению»⁶⁰.

Положение со сбором помощи голодающим существенно усложнилось летом 1922 г. вследствие засухи, охватившей значительную территорию Подольской губернии. Местами наблюдались проявления голода. В частности, на заседании малого пленума Каменецкого уездисполкома 10 июля 1922 г. отмечалось, что «некоторые граждане уезда в современный момент голодают»⁶¹.

Оказать определенную помощь жертвам голода был призван Подольский комитет помощи при Американской организации помощи (АРА), созданной 2 июня 1922 г. под председательством К. Яримовича⁶². Уже к сентябрю комитеты АРА работали в 80 населенных пунктах Подолии⁶³. Уездисполкомы обращались к ним с просьбой оказать немедленную помощь детским домам, поскольку они «в настоящий момент находятся в чрезвычайно тяжелых условиях, за абсолютным отсутствием жиров и др. продуктов»⁶⁴. Администрация детдомов обязана была, как того требовало постановление Подольской губкомиссии помощи голодающим, раз в две недели составлять отчет об использованных продуктах⁶⁵. Благодаря этим отчетам можно проследить, сколько и каких продуктов выделялось на питание детей. К примеру, для 25 воспитанников Поволжского детдома в местечке Купин Каменецкого уезда на 30 дней апреля 1923 г. предусматривалось: «(кило) какао – 2,25, сахара – 8,25, молока стерил. – 15,00, муки – 60,00, риса – (нет данных. – Н. О.), крупы кукур. – 42,00, жиров – 5,62»⁶⁶. Некоторых из этих продуктов не только дети, но и взрослые никогда до этого не видели.

Отметим, что в условиях ухудшения продовольственной ситуации, с августа 1922 г. возобновилась практика составления списков плательщиков голодных пайков среди всех граждан, за исключением лиц, занимающихся земледелием и вносящих продовольственный налог. Так, в местечке Волочиск в него внесли фамилии 359 евреев с адресами и конкретными размерами пайков на каждого, а также обязательствами сдать их «за август, сентябрь и октябрь на ст. Войтовцы до 29 октября 1922 года»⁶⁷. Факт

сдачи пайка должен был отмечаться в «голодном паспорте».

Однако своевременное выполнение плана еще не было залогом отсутствия претензий. Например, 9 сентября 1922 г на общем собрании жители Волочиска отчитались о полном выполнении плана и сдаче 10 тысяч пудов хлеба и трех млн рублей деньгами. Но им сразу же довели дополнительный план еще на 10 тыс. пудов. Поэтому на новом общем собрании 8 октября жители местечка обратили внимание волисполкома на то, что «большинство евреев занимаются торговлей, которая сейчас подупала. Из-за этого они переживают тяжелые времена и этот налог для них непосильный». Поэтому они «попросили волисполком поставить перед уездисполкомом требование отменить этот налог»⁶⁸. Постепенно наличие проблем начали понимать уездисполкомы и уездные комиссии помощи голодающим. С начала октября они начали обращаться к губисполкому с просьбами оставить ярый хлеб на месте, заменив его озимым хлебом, поскольку «ярый хлеб сильно пострадал от засухи и полностью отсутствует»⁶⁹.

В ответ центр рекомендовал шире применять воинскую силу. Во исполнение этих рекомендаций, например, Ольгопольский уездисполком 13 ноября 1922 г. постановил: «Для побуждения отсталых сел по Мясковской, Чоботарской и Загнитковской волостям, просить военное командование Отдельной Кавбригады о выделении в распоряжение Упродкома до полуэскадрона на каждую волость. Просить командный и политический состав 1 и 2 Кавполков взять в продработе активное участие»⁷⁰. Кроме того, на протяжении октября – ноября были расформированы комиссии помощи голодающим и на их базе созданы комиссии по борьбе с последствиями голода (последгол).

Однако даже применение репрессий не помогало. Как констатировал Ямпольский уездисполком 14 декабря 1922 г.: «До сих пор работа если не на мертвой точке, то или неправильно велась или незакончена». Поэтому члены комиссий или должны были отдать под суд злостных неплательщиков, или их самих могли привлечь «как саботажников и слюнтяев к революционному суду». Поэтому под такой угрозой уездпоследгол требовал до 20 декабря 1922 г. закончить «сбор с нетрудового населения 9 фунтов зерна или 8 фунтов муки за 4,5 месяца – с 15 августа по 31 декабря с/г.», причем «в высшей степени желательно собирать только зерном (рожь или пшеница)». Рекомендовалось «воздержаться от замены деньгами, но на всякий случай при сем объявляется средняя цена пуда ржи на этот период 4,5 месяца 7,5 миллионов рублей образца 21 года». Подчеркивалось, что в списки нетрудового населения необходимо включать все духовенство: православное, католическое и иудейское⁷¹.

От выполнения 8-фунтового сбора освобожились: «а) действительные члены Профсоюзов и

безработные, зарегистрированные на Бирже труда, б) дети до 16 лет включительно, в) старики и старухи от 60 лет, г) учащиеся, д) красноармейцы и милиционеры, е) лица, состоящие на попечении Собеца по удостоверениям последнего и ж) беженцы из голодгуберний, з) жены членов Профсоюзов. Рабочие и служащие не имеющие справок от своих профсоюзов об участии в помощи голодающим путем отчисления известного процента подлежат обложению на общем основании с другими гражданами по месту жительства». Отметим, что процедура внесения голодного пайка сопровождалась сложной бюрократической процедурой: «При взносе указываемых сборов заведывающие складами при приемке обязаны делать именные отметки о взносах на паспортах плательщиков, выдаваемых милицией, и, кроме того выдают на руки установленную квитанцию о взносе. Плательщик, получивший на руки квитанцию, обязан предъявить такую свою Райкому или другому соответствующему органу власти для отметки в списке граждан, подлежащих 8-ми фунтовому обложению. Оправдательным документом остающимся на руках у лица, подлежащего обложению, служит отметка на его паспорте»⁷².

Определенное послабление при сборе помощи голодающим наступило в феврале 1923 г., когда были отменены «все сборы в пользу голодающих за исключением 2-х фунтового сбора от плательщиков продналога и 8-ми фунтового сбора от нетрудового населения местечек»⁷³.

В целом сбор помощи пострадавшим от голода губерниям Поволжья продолжался до лета 1923 г. Тогда началась работа по ревакации беженцев, но это тема для последующих научных исследований.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что жители Подольской губернии в сложных условиях неурожая 1921–1922 гг. жертвенно помогали пострадавшим от голода жителям Поволжья и беженцам, которые прибыли на Подолье. Всего на протяжении 1921–1922 гг. было собрано 341 755 пудов хлеба для помощи голодающим⁷⁴. При этом необходимо отметить, с одной стороны, огромную организаторскую работу советских и партийных органов по налаживанию сбора помощи, а с другой – преимущественно насильственные методы, применяемые при этом.

Примечания

- 1 См.: Гуревич М. Б. Голод и сельское хозяйство Украины. Очерк. Харьков : Первая Гос. типография им. тов. Петровского Г. И., 1923. С. 27.
- 2 Там же.
- 3 Государственный архив Винницкой области (далее – ДАВО). ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 105.
- 4 См.: ДАВО. ФС. 925. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 4.

- ⁵ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 43.
- ⁶ Там же. Л. 2.
- ⁷ Там же. Л. 121.
- ⁸ Там же. Л. 15.
- ⁹ Там же. Л. 103.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 5.
- ¹¹ Поділля та Південно-Східна Волинь у перші роки радянської влади (в документах та матеріалах) / автор-упорядник, передмова, коментарі М. П. Олійник. Хмельницький : ХНУ, 2008. С. 46.
- ¹² Там же. С. 25.
- ¹³ Поділля в період відбудови народного господарства (1921–1925 рр.) : збірник документів і матеріалів / ред. кол. І. О. Пшук (відпов. ред.), А. Г. Бабенко, С. Я. Вінниковецький та інш. Вінниця, 1957. С. 117–118.
- ¹⁴ Государственный архив Хмельницкой области (далее – ДАХМО). ФС. 1386. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1.
- ¹⁵ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 113.
- ¹⁶ Поділля в період відбудови... С. 142.
- ¹⁷ Васильев В. Голодовки и голод в Винницкой области: 20–40-е гг. XX ст. : попытка сравнительного анализа. URL: <http://history.org.ua/LiberUA/978-5-8243-1532-5/2.pdf>. (дата обращения: 05.01.2013).
- ¹⁸ ГАХМО. ФС. 336. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 119–119 об.
- ¹⁹ Поділля та Південно-Східна Волинь... С. 171.
- ²⁰ Там же. С. 199–200.
- ²¹ ГАВО. Ед. хр. 200. Оп. 1. Л. 18; Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 17, 31.
- ²² Там же. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 18.
- ²³ Там же. Л. 43.
- ²⁴ Там же. Л. 15; Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 7.
- ²⁵ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 43 об.–44.
- ²⁶ Там же. Л. 20.
- ²⁷ Там же. Л. 21–22.
- ²⁸ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 142.
- ²⁹ Там же. Ед. хр. 9. Л. 38.
- ³⁰ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 26.
- ³¹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 28.
- ³² Там же. Л. 21 зв.; Поділля в період відбудови... С. 142.
- ³³ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 78.
- ³⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 44 зв.
- ³⁵ Там же. Ед. хр. 35. Л. 105.
- ³⁶ Василенко В. Голодні лихоліття першої половини 1920-х рр. та їхній вплив на соціально-економічне становище та настрої населення Поділля // Історія (збірка наукових праць) : Збірник праць. Київ, 2009. 500 с. URL: <http://politics.ellib.org.ua/pages-5052.html> (дата обращения: 05.01.2013).
- ³⁷ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 124.
- ³⁸ Більшовизація. URL: <http://www.vin.com.ua>. (дата обращения: 05.01.2013).
- ³⁹ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 91.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 11, 18, 41; Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 55.
- ⁴¹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 121.
- ⁴² Там же. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 24–25.
- ⁴³ ДАХМО. ФС. 1010. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 7.
- ⁴⁴ Поділля в період відбудови... С. 159.
- ⁴⁵ Там же. С. 166.
- ⁴⁶ ДАХМО. ФС. 4133. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1–6.
- ⁴⁷ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 248.
- ⁴⁸ Там же. Л. 251.
- ⁴⁹ Там же. Л. 251–254.
- ⁵⁰ Голод 1921–1923 років в Україні: Зб. Документів і матеріалів /АН України, Ін-т історії України та ін.; Упоряд.: О. М. Мовчан, А. П. Огінська, Л. В. Яковлева; Відп. ред. С. В. Кульчицький. Київ: Наук. думка, 1993. С. 13.
- ⁵¹ Поділля та Південно-Східна Волинь... С. 55–56.
- ⁵² Там же. С. 131.
- ⁵³ Там же. С. 25.
- ⁵⁴ Більшовизація. // <http://www.vin.com.ua>. (дата обращения: 05.01.2013).
- ⁵⁵ Поділля та Південно-Східна Волинь... С. 96, 98, 101.
- ⁵⁶ Верига В. Конфіскація церковних цінностей в Україні в 1922 р. Київ, 1996. С. 43.
- ⁵⁷ Там же. С. 49.
- ⁵⁸ ДАХМО. ФС. 1010. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 254.
- ⁵⁹ Антоній Відлуння геноциду 20–30-х років у розрізі сумної статистики гонінь на православну церкву. URL: <http://vladykaantoni.org/content/view/52/4/> (дата обращения: 05.01.2013).
- ⁶⁰ Поділля та Південно-Східна Волинь... С. 104.
- ⁶¹ Там же. С. 132–133.
- ⁶² ДАВО. ФС. 925. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 15.
- ⁶³ Васильев В. Голодовки и голод...
- ⁶⁴ ДАХМО. ФС. 337. Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 2.
- ⁶⁵ Там же. Л. 15.
- ⁶⁶ Там же. Л. 111.
- ⁶⁷ Там же. ФС. 4133. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 65–69.
- ⁶⁸ Там же. Л. 85–87.
- ⁶⁹ Там же. Ед. хр. 15. Л. 87 об.
- ⁷⁰ ДАВО. ФС. 925. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 50.
- ⁷¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 54.
- ⁷² Поділля та Південно-Східна Волинь... С. 208–209.
- ⁷³ ДАХМО. ФС. 912. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1–1 об.
- ⁷⁴ Нариси історії Поділля. На допомогу вчителю. Відпов. за вип. І. С. Винокур. Хмельницький, 1990. С. 221.